

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ГАЗЕТЕ

«РОССИЯ»

№158 МАРТ 2026

журнал Военный и литературный.

ЖИВАЯ СТАЛЬ

СУДЬБА ЮРИЯ ПУШКИНА

«Юрий Николаевич обладал ясным умом, прирождённым чувством справедливости и смелости, что было важно для судьи, который мог подвергаться воздействию сторон и власти» (Генрих Падва)

В 2026 году выходит из печати художественная повесть Павла Евдокимова «Живая сталь», ее первоначальное название — «Калинов мост. Судьба Пушкина». Она посвящена человеку исключительного мужества, очень сложной, но яркой, насыщенной судьбы.

клиентки была фамилия не просто экзотическая, а связанная с семьей А. С. Пушкина. Как известно, у Пушкина один из предков был Абрам Петрович Ганнибал.

И вот, во время процесса в мой кабинет входит взволнованный коллега из Калининской коллегии адвокатов и говорит: «Вы знаете, какое ходатайство заявил сейчас московский адвокат?», я отвечаю, что не имею понятия. «Он потребовал от судьи Пушкина заявить самоотвод на основании того, что, скорее всего, он является родственником с подсудимой». Тогда я решил послушать, как дальше будут развиваться события в суде.

Как выяснилось, после заявления такого ходатайства суд объявил перерыв на некоторое время, а после перерыва Юрий Николаевич Пушкин с полным достоинством сделал заявление, буквально такое: «К большому сожалению, я не являюсь родственником нашего великого поэта А. С. Пушкина, и тем более никакого отношения к его пред-

кам по фамилии Ганнибал я не имею».

Затем суд, естественно, отклонил отвод, который был заявлен адвокатом и дело спокойно продолжилось.

Я помню, что тогда еще меня поразило чувство собственного достоинства, уверенности, спокойствия, которое проявил Ю. Н. Пушкин в ответ на такое, на мой взгляд, нелепое ходатайство и как красиво он повел себя.

К этому времени я совсем мало знал Ю. Н. Пушкина. Я, конечно, знал о том, что он судья Калининского областного суда, о том, что на фронте он потерял обе руки и обе ноги, и естественно восхищался его волей, мужеством и способностями, давшими ему возможность, несмотря на такие ограничения, окончить институт, стать судьей, и не просто судьей, а одним из лучших судей в Калининской области.

Юрий Николаевич обладал ясным умом, прирожденным чувством справедливости и смелости, что было важно для судьи, который мог подвергаться воздействию сторон и власти.

Первоначально мое знакомство с Юрием Николаевичем было очень поверхностным, но я не мог, как и многие другие, не восхищаться его силой воли, разумности, высокой компетентности.

Эти его качества особенно проявились по делу по обвинению моей подзащитной в убийстве женщины. Это дело было одним из самых громких за многие годы рассмотрения дел не только Юрием Николае-

вичем, но и многими другими судьями Калининской области. Мне пришлось участвовать в этом деле в качестве защитника. Юрий Николаевич в этом деле проявил себя в высшей степени достойным судьей.

В дальнейшем судьба злодейка свела нас в связи с трагическими обстоятельствами. В один из ужасных вечеров рецидивистом и пьяницей было совершено нападение на сына Юрия Николаевича, в результате которого тот погиб.

Когда его судили, Юрий Николаевич и Калининский областной суд обратились с просьбой в Калининскую областную коллегию адвокатов о выделении меня в качестве представителя потерпевшего, каковым был признан Юрий Николаевич Пушкина по этому делу.

Во избежание конфликта интересов, дело было передано из Калининского областного суда в Московский областной суд, и там я защищал интересы Юрия Николаевича. Убийца его сына был осужден и признан виновным в убийстве.

В связи с ведением этого дела я, естественно, ближе познакомился с Юрием Николаевичем, его женой Катей, и его дочерью Аллой. Сына, до его убийства, я тоже немного знал, он к моменту своей гибели окончил Калининский медицинский институт.

Юрий Николаевич однажды незадолго до трагической гибели сына, говорил мне о том, что как хорошо, что сын подросток и может теперь реально помогать ему в жизни, в уходе за машиной и во многих других случаях. Я думаю, что безвременная гибель сына немало повлияла на состояние здоровья Юрия Николаевича, у которого и без того сердце было довольно слабо.

Я очень рад, что нашлись люди, которые создали документальный

► Стр. 16

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЕНРИХА ПАДВЫ

В здании юридической консультации, в которой я работал в Калинин (ныне Тверь), был расположен один из судов Калинина. У нас, конечно, были разные помещения, у них залы совещательные, а у нас две комнатки адвокатов.

Необходимо сказать, что тогда между судьями и адвокатами отношения были значительно проще, мы могли свободно общаться друг с другом, даже дружить, и ни у кого это не вызывало подозрений во взятках или подкупе, которые, действительно, в то время были редки среди адвокатов и судей.

И вот однажды, в помещении этого суда слушалось дело женщины под экзотической фамилией «Ганнибал». Ее защищал московский адвокат, приехавший в Калинин с надеждой на то, что он сумеет командовать судьей. Эта его надежда была связана с тем, что у его

Герой художественной повести «Живая сталь» (в центре) в одном из госпиталей. Кадр из документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин»

Его называли «вторым Маресьевым», но тот поднимался на своем истребителе без ног, а у судьи Юрия Пушкина не было еще и рук, кистей.

Воин, юрист, глава семьи. Герой прошлого и настоящего.

Прошлого — поскольку Юрий Николаевич принадлежит к великому поколению, которое одержало верх в мировой войне.

Настоящего — потому что Пушкин дает пример всем нам: жизнь продолжается, несмотря на ранения, увечья и инвалидность. Вопреки всему.

Журнал «Разведчик» публикует предисловие к повести «Живая сталь», которое написал знаменитый адвокат Генрих Падва, и несколько глав из этого произведения.

Предисловие Генрих Павлович успел написать за два месяца до смерти. В феврале 2026 года его не стало.

Казалось, что всё в жизни Юры Пушкина кончено: ампутированы руки (кисти) и ноги. Кадр из документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин»

◀ Стр. 15 фильм и написали прекрасную книгу-памятник о замечательном человеке, который сумел преодолеть все трагические сложности в своей судьбе и остаться человеком с большой буквы, одним из лучших судей, которых я во множестве узнал за 70-летие своей работы судебным адвокатом.

ЗНАМЯ УЧИЛИЩА

Город Стерлитамак, Башкирия. Осень сорок первого года. Штаб Рижского пехотного военного училища.

Возле знамени, выставленного в открытом шкафу, застыл часовой. У него на плече винтовка с примкнутым штыком. Все как положено.

К посту подошли начальник училища полковник Чистов и курсант Юрий Пушкин.

— Вот что, Пушкин. Скоро выпуск. Решено, что знаменосцем будешь ты. Понял?

— Так точно, товарищ полковник.

Думая о чем-то своем, Чистов провел по стягу ладонью. И обратился к Пушкину:

— Знаменосец — это особая честь. Но я тебя сюда привел, чтобы ты познакомился со знаменем. Ведь вы, наши курсанты, первые — внимаешь? Потом, конечно, будет второй выпуск, третий, четвертый... Но других первых у нас уже не будет никогда.

Юра внимательно слушал.

— Мы начинали в Риге, — продолжал Чистов — Там же и встретим победу. Иначе быть не может. Как думаешь?

— Так и будет, товарищ полковник. Мы вас не подведем, Владимир Афанасьевич. Обещаю! И Балтику обязательно увидим, я — так первый раз. Никогда там не был.

— Ну, хорошо. Ступайте, — глухо произнес Чистов, скрывая

Будущие командиры пулеметных отделений и взводов расположились в двухэтажном кирпичном здании по Комсомольской улице

вместе вынесли. Как у нас говорят: где есть желание, там и путь.

Ивар установил «щечки» и вставил направляющую планку.

— Герои вы... — вздохнул Пушкин, закрепляя рукоятки. — Герои! — И вставил замок в пулемет.

— Ну, знаешь, разное, всяко хватало, — ответил Ивар, прикручивая надульник. — Как война, кто по мызам да хуторам бегать стал.

— Курсанты?

— Разные, всякие.

— А ты?

— Я сам себе Ивар. Не хотел видеть, как приду в депо железное. «Лабриит, — скажу отцу, — доброе утро». А таувс, отец по-нашему, глянет: «А оно доброе, сын? Теперь трусом будешь?»

Ивар вставил пружину.

— Нээ, Юрис, это не по мне трусом бегать. Ну, совсем не по мне.

Пушкин было неудобно донимать товарища расспросами, но его распырало любопытство. Нет, не любопытство, а та живая правда, что может пригодиться на фронте.

— А первый бой? Как все было?

— Ну как... — Ивар на минуту отвлекся от «Максима». — Немцы десант выбросили. На парашютах.

шенно седьмыми висками. На его груди посверкивает орден Красного Знамени.

...Как-то ночью Юра стоял на посту у вещевого склада, находившегося в отдалении от основных строений. Ночь была глухая, безлунная.

Прошел дождь, но небо не расчистилось.

Осень давала о себе знать, и было уже прохладно.

Вдруг Пушкин услышал громкие шаги. Кто-то, небрежно ступая по лужам, направлялся в его сторону.

— Стой! Кто идет? Пропуск!

Неизвестный не ответил, пер как танк.

— Стой, кто идет? Стой, стрелять буду!

Вспыхнул электрический фонарик, и человек в шинели осветил им свое лицо. Это был капитан Мушников. Комбат любил по ночам обходить посты, проверяя несение службы.

— Своих не узнаете? — строго осведомился он, подходя ближе. — Разве я вам не известен?

— Ложись! — прикрикнул Пушкин и передернул затвор винтовки, досылая патрон в патронник. Держа Мушникова на прицеле,

Прибежал старший сержант Ефимов. Увидев лежащего на земле Мушникова, он явно смутился и не знал, как реагировать на происходящее.

— Благодарю за бдительность! — сказал комбат, поднявшись с земли.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил Пушкин.

— Ну, курсант, неси так службу и дальше, — наказал Мушников и принялся очищать шинель от грязи.

Из облаков проглянула Луна.

В одном из июньских боев в Прибалтике Мушников угодили в плен. Сначала ему «по-дружески» предложили сигарету. А затем, встретив его непреклонность, пытали, требуя выдать военные сведения. Топором отрубили мизинец и безымянный палец.

Окровавленного, капитана волокли во двор деревенского дома. Ремнями прикрутили к березе, облили бензином. В руке палача, немецкого офицера, вспыхнула зажигалка.

Еще немного... Но тут на хутор ворвались «рижане», пробивавшиеся к своим, — они застрелили палача и спасли капитана от лютой смерти.

Курсантам Мушников не давал поблажки. И уж до чего был крепок Пушкин, да и тот после учений с трудом взбирался по лестнице на второй этаж казармы, держась за перила.

Учения проходили с полной боевой выкладкой: тридцать два килограмма песка в ранце. После — купание в реке Ашкадар, а потом снова:

— Строиться! Шагом марш! За-пе-вай!

Запелой назначался, конечно, Юра Пушкин. Его сильный, красивый баритон вел то роту, то батальон.

Хотя, конечно, не в голосе дело — в энергии, в энергетике. Бывает, такой дрянной голосишко, а заведет всех так, что и «мертвые» найдут в себе силы продолжить походный марш.

Суворовскую науку побеждать капитан Мушников претворял в жизнь, нещадно гоня курсантов, — он делал все, чтобы его воспитанники, несмотря на ускоренный выпуск, постарались выжить на войне.

Чтобы выжили и победили.

...Утро выпуска. Начальник училища берет под козырек.

— Товарищи офицеры! Желаю вам боевой удачи! Зря не рисковать. Но я уверен, что питомцы Рижского пехотного военного училища

Первая хирургическая операция по ампутации ноги была проведена в полевых условиях. Вместо «наркоза» был стакан спирта. Кадр из документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин»

(прежде тут были торговые лавки и «нумера» купца Патрикеева).

Минометчиком выделен клуб мукомолов.

Новое пополнение в училище — преимущественно добровольцы, и необстрелянная молодежь во время полита часа заслушивалась рассказами «рижан», как между собой они называли старожилы.

С одним из «рижан» и сдружил-

В нашей форме... Понимаешь? Но мы та-та-та! Всех фашистов — до Велнса. Капут.

— До кого?

— До черта, значит.

Лацис задумался, вспоминая. — Гитлер мост бабахать. Ну, железный мост — ту-ту... Так Виталис Бабак, курсант наш, из пулемета «Юнкерс» завалил, и тот в Даугаве воды упилился.

Ивар лихо захлопнул крышку.

— И по мосту мы бежать, и в спину нам бабахать... То диверсанты, то шкуры... пособники Гитлера... Дырса.

— Что, Юрис?

— Ну, задница.

Лацис поморщился.

— Но мы пробились, Юрис, — заключил товарищ. — Пробились. И вот мы здесь. И завтра ты — наш знаменосец.

Утром зарядил дождь, но налетел сильный ветер и разорвал, отогнал облака. Так что на торжественном построении курсантов было ясно, солнечно.

Все взгляды — на знамя училища. Его крепко держит Юрий Пушкин. В его новеньких петлицах сверкают на солнце по «кубику».

Вот их наставник — командир второго батальона капитан Мушников: подтянутый, молодой, с копной вьющихся волос и совер-

Юра нажал кнопку сигнала, вызывая начальника караула.

«Тогда между судьями и адвокатами отношения были значительно проще, мы могли свободно общаться друг с другом, даже дружить, и ни у кого это не вызывало подозрений...» (Генрих Падва)

свое волнение.

Привычным жестом Чистов разгладил пышные усы. Некоторое время смотрел на знамя, потом еще раз задумчиво и трепетно провел по нему рукой.

В коридоре затихли его шаги. У знамени остался часовой.

В Стерлитамаке училище раскидали по разным адресам.

Курсанты стрелковых подразделений заняли казармы близ городской больницы.

ся Юра. Ивар Лацис сразу пришелся ему по душе — спокойный, выдержанный, рассудительный. Он знал не понаслышке, что такое война.

— Ты, Ивар, счастливый: год успел отучиться в своей Риге. И фашистов бил, и знамя училища на себе вынес, — сказал Пушкин, когда они разбирали и собирали пулемет «Максим».

— Вынес, верно, — согласился Лацис, соединяя ствол и «щечки». — Но не я один, Юрис. Все

Несмотря на то, что Юрий Николаевич передвигался на протезах и при помощи костылей, он был деятельным, энергичным и невероятно активным

ни при каких обстоятельствах, даже самых чрезвычайных, не посрамят этого знамени.

И, помолчав, добавляет:

— Благословляю вас на суворовские подвиги.

Под звуки духового оркестра перед полковником Чистовым проходят строем вчерашние курсанты, а теперь уже младшие командиры. Впереди — фронт.

СНЕГА СЕЛИГЕРА

Эшелон остановился неожиданно.

— Выходи строить! — прозвучала команда.

Не сразу поддавались двери теплушки, облепленной снегом, прихваченной морозом.

Мглистый рассвет занимался над станцией Фирово, что между Москвой и Ленинградом, недалеко от старинного города Бологое.

Калининская область, древняя тверская земля.

Едва построились поротно, как над станцией нарисовалась «рама» — самолет-разведчик, прозванный так за свою балочную конструкцию. Ее злое щечное бронированное брюхо скользило вдоль железнодорожного состава.

— Всем в лес! Быстро!

Бойцы рванули к лесу. Его опушка вдавалась в пристанционный поселок.

Когда бежали переулком, у калитки разбитого дома Пушкин увидел распластанную на снегу окровавленную куклу с желтой косицей и голубым бантом.

Ее бережно обегали бойцы.

Повинуясь безотчетному желанию, Юра подхватил куклу, словно живую, раненую девочку, и бережно усадил возле сохранившегося штакетника.

Эх, запечатлеть бы на кинокадрах груди кирпича, распахнутую калитку и эту куклу с непонимающими глазами, уставившимися в небо, откуда прилетела на крыле смерть.

Тут, в Фирово, приняли первый бой.

Хотя нет, какой бой? То атака с воздуха.

Бой — это когда ты уничтожаешь противника, а тут огонь с неба, безнаказанность врага.

Шестерку вражеских штурмовиков навела «рама». Разведала, стервь!

Тысячу раз прав писатель Константин Симонов, прошедший войну от звонка до звонка: нет ничего трудней, чем гибнуть, не платя смертью за смерть.

Но, к счастью, командиры успели рассредоточить бригаду в густом заснеженном лесу, так что потери были минимальные. Но первая кровь, первая потеря — всегда первые.

Вечером выступили. Шли ночью.

Когда от станции Фирово их от-

С женой Екатериной и сыном Олегом. «Оживлённая» фотография. Кадр из документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин»

деляло километров шестьдесят, комроты Гараев сказал на привале:

— Притопали, братцы. Шабаш! Вот, глядите: тут и начинается ли-

и жарит.

В жимаясь в снег, Юра по-пластунски подбирается к ДОТу, заходя во фланг. То замирая, то выбрасывая вперед тело, он борется со смертельными метрами.

— «Щечки», мать вашу, — зло бормочет под нос Пушкин. — Будут вам «щечки». И дуло вам будет, и надульник. Все будет. Только обождите маленько.

На излете, казалось, целой вечности Пушкин наконец оказался рядом с ДОТом.

Первая граната летит в амбразуру, за ней — вторая...

Взрыв! Взрыв!

Пулемет замолкает.

По ушам бьет резкая тишина.

Вскоре бойцы вытаскивают двух мертвых фашистов. Глядя на изуродованные тела, Юра не испытывает никаких эмоций. Никаких. Так и должно быть.

Единственное, что его интересует, из чего противник вел огонь. А, понятно! Пулемет MG 34. Хорошая «машинка», жаль только нельзя взять с собой: патронов к ней мало, почти все извели, гады.

В этот день Пушкин впервые убивает врагов. Он не узнает о боях из сводок Совинформбюро, не читает в «Красной звезде» о зверствах фашистов, зато видит воочию — вот они, еще живые, мелькают за домами, а вот уже мертвые, окоченевшие.

— Персики есть. Спелые, — сказал и широко, «солнечно» улыбнулся.

— Ну вот видишь, везде что-то есть. Свое, особенное.

— Персики много где есть... — Но для тебя ваши наманганские персики пахнут по-особенному, верно?

Рашид улыбнулся: — Точно, командир!

Днем закипело. Бой на краю угленной деревушки, за которую отчаянно цепляются гитлеровцы. Первый бой бригады. Атака захлебнулась, харкая кровью, — и мы откатились назад.

Но нужно идти, идти вперед! На зубах, на ядреном слове, да на чем угодно. Но идти, идти! Однако вражеский пулеметчик, хорошенко пристреляв местность, не дает поднять голову.

Кровь на снегу. Раненые, убитые.

— Ивар, прикрой меня! — кричит Пушкин.

«Рижанин» бьет по амбразуре ДОТа. Но фриц не умолкает, жарит

Промежуток между «еще» и «уже» залит кровью, нашей и вражеской. От него металлический привкус во рту.

Да, атака была настолько неожиданной, что противник не успел ни уничтожить, ни эвакуировать большой продовольственный склад, забитый продуктами. Для нас это существенное подспорье.

На голову свалился комроты Гараев:

— Молодцом, Пушкин! Недаром хорошую фамилию носишь!

Сняв рукавицы, Юра обтирает лицо снегом.

Лицо в пороховых разводах.

— Ну-ка, покажи, — Гараев взял рукавицы. — Затеяливо... Кто делал? Дивчина твоя?

— Она самая, Любаша.

— Знала, что подарить. Смотри, не потеряй, — ротный вернул рукавицы. Заворотив рукав маскхалата, глянул на часы. — Ну, двинулись дальше. Э-эх! Дойдут наши

ноги до вражеской берлоги.

Заслуженный юрист России

Генрих Падва: «Я очень рад, что нашлись люди, которые создали фильм и написали прекрасную книгу-памятник о замечательном человеке, который сумел преодолеть все трагические сложности в своей судьбе и остаться человеком с большой буквы, одним из лучших судей, которых я во множестве узнал за 70-летие своей работы судебным адвокатом».

Как установила разведка, в передовом окопчике ночами дежурят двое — они запускают осветительные ракеты. «Языка» нужно брать оттуда.

Вот взвилась очередная ракета, потом еще и еще... Каждый раз бойцы замирают, уткнувшись лицом в снег, вжавшись в «землю» обледеневшими маскхалатами.

Пушкин со своим отделением уже метрах в пятидесяти от окопчика. Еще немного и — начнется!

Неожиданно жуткий вопль прорезал тишину. Очевидно, разведчики сняли одного из фрицев (попробуй, достань его через шинель, тут только ножом в шею или по горлу), но тот успел предсмертным криком предупредить своих.

А что же второй? Что, что!

Затрещали автоматы. На флангах ввысь устремились ракеты. А-а, проснулись, очухались, жабы!

Мимо пулеметчиков, тяжело дыша, бежали разведчики и волокли, как куль, связанное тело...

В злое щечное светлое Юра увидел, как из ближайших ДОТов высочили гитлеровцы. Строча на ходу, что-то гортанно крича, они ринулись отбивать своего.

— Огонь! — дал команду Пушкин, и оба ручных пулемета жажнули по врагу.

...Утром командир разведчиков сказал Пушкину:

— «Язык» дал ценные сведения. Добре нас прикрывали. Спасибо тебе и твоим хлопчикам. С меня, брат, причитается.

За несколько дней, разгрузившись в Фирово, бригада прошла с боями десятки километров и освободила несколько важных населенных пунктов.

Но что есть важные, а что — нет? Везде, где живут наши люди, они важные.

Вот только то, что мы освободили от врага, населенными пунктами значилось на военных картах. Дома сожжены, народ разбежался, кто куда.

Только в одной разоренной деревне бойцы встретили старика и двух женщин с детьми, вылезшими из погребов.

Несмотря на мороз, старик сдернул шапку, кланялся в пояс и широко крестился.

При виде него у Юры ▶ Стр. 18

ния фронта.

«Линии», однако, никакой не наблюдалось. Перед ними лежала заснеженная русская земля. Величавый лес обступал большое поле.

— У нас в Намангане такой красивый нету, — заворожено и доверительно сказал Пушкину узбек Рашид Икрамов, второй номер пулеметного расчета.

— А что есть? Тот на секунду задумался.

Несмотря на страшные увечья, Юрий Пушкин даёт всем пример: жизнь не завершена, она продолжается! Кадр из документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин»

Сын — Олег Пушкин. Был убит рецидивистом. «Оживлённая» фотография. Кадр из документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин»

◀ Стр. 17 защемило сердце, и он вспомнил Верочку — где она, как она?

Второпях пошарив по «сидорам», бойцы собирали еду и отдали женщинам.

Юра оглянулся: старик стоял все на том же месте, с непокрытой седой головой, и крестил их вслед — пока последний взвод, последний солдат, увязая в снегу, не прошел мимо и не скрылся из виду.

Эх, Россия ты моя, Россия...

БОЙ ЗА ЗНАМЕНКУ

Январь сорок второго. Бригада получила приказ овладеть деревней Знаменка, оседлавшей развилку двух дорог. Гитлеровцы опоясали ее ДОТами. Избы на окраине превратили в опорные огневые точки. В перелеске установили полевые орудия.

...К тому времени блицкриг провалился, и Гитлер проиграл битва за Москву.

Части Вермахта разбиты, отброшены, но отнюдь не разгромлены. Война приняла затяжной характер. Теперь это уже противостояние систем, экономик, ресурсов и технологий. А главное — духа: русского (теперь говоря советского) и тевтонского.

Так хочется надеяться на скорую, скорейшую победу. Однако советской России, пережившей два десятка лет гражданской войны, определены иные сроки.

В стране реабилитировано понятие «патриотизм», хотя и с уточ-

нением — «советский». Но теперь война, война Отчужденная! Суворов и Кутузов, затребованные Ставкой из своих горных «поместий», вдохновляют бойцов Красной Армии.

Очевидно, что на идеях Интернационала такой войны не выиграть, и Сталин это хорошо понимает. «Братья и сестры...» С такими словами, волнуясь, он обращается к народу, к стране.

Но сколько их, сестер и братьев, смолоти жернова, запущенные в феврале и октябре семнадцатого, и не сосчитаешь... Многие миллионы. И сколько еще — и те, кто уже родились, и те, кто так и не появятся на свет, — оплатят давнишние счета.

...С вечера резко похолодало. Бойцы укрылись в рошце. Расчистив глубокий снег, наспех отрыли неглубокие землянки и заночевали, прижимаясь друг к другу.

Когда Юра узнал, что поблизости Волга, ее верховье, то у него потеплело на душе. Пусть и далеко родимый волжский край, но река — своя! Родная.

С мутным рассветом вдруг налетели наши «пешки» и вдарили бомбами по вражеским позициям. Хоть отработали не очень-то точно, но настроение бойцам подняли.

Залпы «Катюш»... сигнал к общей атаке!

На двадцатой минуте артподготовки из рошцы на полном газу рванули «тридцать четверки», за ними, увязая в снегу, устремились пехота.

Особенно усердствует пулемет справа. Виртуоз, мать его! Контролирует ситуацию.

— Никита, нужно обойти фрицев с тыла!

Но Алексеев показал на уши и крутанул головой: грохот такой, что слов невозможно слышать.

Тогда Юра, указав на правый пулемет, чертит на снегу линию и загибает ее в тыл.

— Ясно! Выполним! — кивает Никита. Вместе с напарником они ползком перетаскивают «дегтяря».

Неподалеку ложатся зимние «огурцы» — одна мина, другая... Снег в этих местах, потеряв девственную чистоту, стал черным. Да и не снег это уже, а вывороченная взрывами земля. Все вперемешку.

— Вот, гады, миномет подтянули, — Икрамов зло сплюнул на снег. И тут же ответил сам себе: — Ничего, на снег можно, а на землю — грех, нельзя.

Но отчего медлит Алексеев?

Дочка Алла, ставшая кандидатом в мастера спорта по художественной гимнастике. «Оживлённая» фотография. Кадр из документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин»

— Яман, — шепчет Икрамов и локтем толкает Пушкин. — Плохо, командир! Яман!

Но тот уже все видит сам. Напарник Алексеева лежит навзничь, а сам командир второго расчета, склонившись над пулеметом, недопустимо медлит.

— Рашид, оставайся с пулеметом, — кричит Пушкин, подкрепляя свои слова жестами.

— Понял, командир!

Так, времени нет. В несколько бросков нужно добраться до пулемета Алексеева.

Юра хватает в пригоршню снег, жадно жуёт и одновременно намечает точки броска.

Все, вперед!

Возле пулемета — два тела.

Юра рывком переворачивает Никиту. Тонкая струйка крови стекает с его виска...

Погиб расчет. Аминь.

Не видать тебе, друг Никита, ни любимой жены, ни родной дочурки... Ни Великих Лук. Отвоевался вчистую.

Броском Юра переместился за ближайший куст. Вдавывая спусковой крючок «дегтяря», он вкладывает в длинную очередь всю свою ярость, смешанную с беспощадной горечью за друга, за его осиротевшую семью.

Пулемет замолчал? Что, что произошло?

Черт! Перекос патрона. Минута, другая... Вот теперь порядок.

Пушкин наводит прицел, и в этот момент курсанты поднялись в атаку.

Рукавицы долой — Любаша, извини, но сейчас не до них!

Не скупясь, Юра поливает врага смертоносным свинцом.

— Думали, все? Конец? Хрен вам!

Неподалеку Икрамов ведет свой «разговор».

Взрыв! От жуткой боли, уже не контролируя себя, Пушкин взметнулся во весь рост и, теряя сознание, опрокинулся на почерневший снег.

Тишина. Мороз лютейший.

Солнечный луч пронизывает то ли невесомые снежинки, то ли тончайший лебединый пух.

Да, в небесах, верно, был бой, и погибло много прекрасных белоснежных птиц. Их пух устилает землю — от горизонта до горизонта. Но отчего-то их два: один белый, другой черный, а между ними красная пелена.

Юре ненадолго возвращается зыбкое, тревожное сознание, пронизанное болью, а потом он вновь

Среди участников фильма — Генрих Падва, полпред Президента РФ в Сибирском федеральном округе Анатолий Серышев, губернатор Кемеровской области Илья Середюк, председатель областного суда Алексей Ордынский, кемеровские и тверские судьи, и Алла Шурыгина, дочь главного героя.

снежном платке. Она согревает его руки своим дыханием.

А солнце светит прямо в глаза.

...Пушкина находят бойцы, — их привел Икрамов, запомнивший место недалеко от вражеского бугра.

— Юрис, живой? — вглядывается в лицо друга Лацис.

К запекшимся губам подносят металлическую кружку, и Пушкин жадно пьет и не понимает: то ли это обжигающая вода, то ли ледяной спирт.

— Где... Где наши?...

— Бой уже там... — Ивар машет рукой вперед, — а мы вернулись тебя искать. А ты живой, живой чертёнок...

Пушкин пытается улыбнуться. И теряет сознание.

— Нельзя его тут оставлять, — озабоченно говорит Лацис. — А ну-ка, взяли!

Самый крупный боец подставляет спину и на него взваливают раненого, двое поддерживают, чтобы не упал, — так и несут, медленно, тяжело.

В снегу, затоптанные, остаются рукавицы... Любашина память.

А в кустах калины, где война посбивала с веток весь снег, красногрудые снегири деловито достают из ягод семена, выбрасывая промерзшую, ненужную мякоть.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Весной 2026 года в Кемерове на здании областного суда будет торжественно открыта мемориальная доска, посвященная герою войны Юрию Пушкину.

И в тот же день в столице Кузбасса состоится премьера документального фильма «Юрий Николаевич Пушкин». Картина создана Кемеровским областным судом и кинокомпанией Goodline. Режиссер — Юлия Горюнова.

Среди участников фильма — Генрих Падва, полпред Президента РФ в Сибирском федеральном округе Анатолий Серышев, губернатор Кемеровской области Илья Середюк, председатель областного суда Алексей Ордынский, кемеровские и тверские судьи, и Алла Шурыгина, дочь главного героя повести «Живая сталь».

Пришло время, чтобы об этом великом сыне России узнала вся наша страна. Особенно это важно в эпоху СВО. ■

Судья Юрий Пушкин возле своего автомобиля «Москвич» с ручным управлением. Он был отличным водителем и мог подолгу находиться за рулём. Город Калинин (Тверь)

нением — «советский».

На экранах благоверный князь Александр Невский вновь пускает под лед псов-рыцарей, хотя после подписания пакта Молотова-Риббентропа картина была снята с проката.

Пушкин и Рашид Икрамов, заняв позицию, ведут огонь из «дегтяря».

Противник забугрился, там у него на возвышенности станковые пулеметы. Фрицы лютуют, и наша пехота зарылась в снег.

Его называли «вторым Маресьевым», но тот поднимался в воздух без ног, а у судьи Юрия Пушкина не было ещё и рук. «Оживлённая» фотография. Кадр из фильма «Юрий Николаевич Пушкин»